

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ПРОДОЛЖЕНИЕ САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ НУЛЕВЫХ

МЕТРО 2035

ХОЧЕШЬ ПРАВДУ?

Книжки
15
18+

act

МЕТРО 2035

МЕТРО 2034

МЕТРО 2033

18+

НАШЕ ПАРТНЕРСТВО
MAXIM
МАКСИМУМ ВЕЩЕЙ
ЖУРНАЛ
РУССКИЙ РЕПОРТЕР

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ПАВЕЛ МАКАРОВ

МЕТРО 2033:

**ПЕРЕКРЕСТКИ
СУДЬБЫ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М15

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — Дмитрий Глуховский
Главный редактор проекта — Вячеслав Бакулин

*Оформление обложки — Михаил Пантелеев
Карта — Леонид Добкач*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Макаров, Павел

М15 Метро 2033: Перекрестки судьбы: [фантастический роман] / Павел Макаров. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Вселенная метро 2033).

ISBN 978-5-17-104789-4

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Перекрестки судьбы — это причудливое скрещение людских путей. В Коломенском, где в подвалах старинных построек ютится горстка уцелевших, двое парней замышляют поход в метро. Приходится прихватить с собой и девушек. Одна — умница и просто красавица, другая — одержимая, изрекающая туманные пророчества. Что их ждет в суровом мире — удача или смерть, счастье или крушение иллюзий? В то же время другой человек, с товарищами по несчастью на станции «Деловой центр» отрезанный от большого метро, пускается в путь по реке. И дороги их неожиданно пересекаются. В отличие от молодежи, загадочный пришелец из Москва-Сити кое-что знает о жизни в метро. И знания эти — опасны...

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104789-4

© Д.А. Глуховский, 2017
© П. Макаров, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА ВАДИМА ЧЕКУНОВА

Когда мне было пятнадцать лет, я проходил производственную практику в большом по меркам того времени магазине, на углу Грохольского и Астраханского переулков. Мучился в душной подсобке бакалейного, где все вечно сыпалось, терялось, путалось в одинаковых серых мешках и бумажных пакетах — разве что коробки с конфетами радовали своим цветастым и вкусным содержанием. Таскал кругляши сыра, брикеты масла и огромные бидоны со сметаной в молочный. Сторонился пахучего и склизлого рыбного отдела, всячески избегал землисто-сырого, отчетливо пахнувшего могилей овощного. Мечтательно присматривался к винному, где мне, школьнику, понятное дело, работать не разрешалось. Зато меня вскоре взяли под свое шефство два татарина-мясника. Принялись учить рубить туши, затачивать ножи и топоры, а также преподавали азы торговой премудрости. Там-то я и познакомился с Витей-Зверем, человеком неординарных способностей. Он работал в мясном отделе грузчиком, и большую часть времени проводил в отдыхе на сваленных на полу телогрейках и халатах, лежа в позе подстреленного на дуэли Пушкина и взирая на всех

сонными тупыми глазами. Витя, не закусывая, мог разом выпить бутылку водки, без стакана, прямо из горлышка, и не запьянеть. Еще у него был невероятных размеров живот, удивительно крепкий и тугой — им Витя-Зверь вышибал на спор запертые на ключ двери. Еще он умел громко пукать, имитируя звук различных транспортных средств — от трактора до мотоцикла. В общем, человек был колоритный. Он-то и взялся учить меня правилам жизни, очевидно, отчасти от скуки, а отчасти из ревности к обучавшим меня мясникам. «Под сидячую задницу портвейн не течет!» — выдал Витя-Зверь мне одну из сентенций в наиболее близкой для себя самого форме и на мгновения его взор даже прояснился. «Хочешь добиться чего — не сиди на месте!» — добавил он, уже понимая, что в его исполнении это выглядело слегка комично. Вите было под сорок лет — мне он казался совсем старым — и всю свою сознательную жизнь он провел в кладовке и разделочной этого магазина. У него не было даже семьи. В общем, посмеялись и забыли. Все, кроме самого Вити. В один из дней он не вышел на работу. И на следующий день не появился. Через неделю отпала версия «опять забухал, скотина». Вити нигде не было, его даже милиция принялась искать. Пропал с концами.

Я вскоре закончил практику, потом окончил и школу, и поступил в вуз — и только тогда случайно повстречал одного из своих учителей-мясников, который и рассказал мне, что случилось с Витей-Зверем. Тот в конце концов объявился спустя пару лет. Узнать его можно было с трудом — поджарый, веселый, с привезенной то ли из Суздаля, то ли из Ярославля женой. «Я вдруг понял, что если не пойду никуда — мне конец. И тогда я взял и пошел», — пояснил Витя бывшим коллегам. Пошел в буквальном смысле — без всякой подготовки, пешком, из Москвы, почти без денег, в одежде, которая была на нем. Без цели, как таковой. Просто пошел, по городам и весям. В общих чертах его маршрут совпал с так называемым Золотым Кольцом России — Витя посетил соседние с Москвой области, навестил кучу древних городков. Где-то шабашил, где-то слегка воровал, где-то попрошайничал, где-то его

привечали одинокие женщины... Ел простую еду, пил колодезную воду, мылся в реке, сидел у костров, любовался рассветами и закатами. Смотрел на звездное небо и на соборные купола. Нашел свое счастье в виде застенчивой хохотушки, детей планировали завести. С Вити слетела былая сонная одурь, от имени его отвалилась дурацкая кличка-приставка. Он даже пить перестал и был совершенно счастлив.

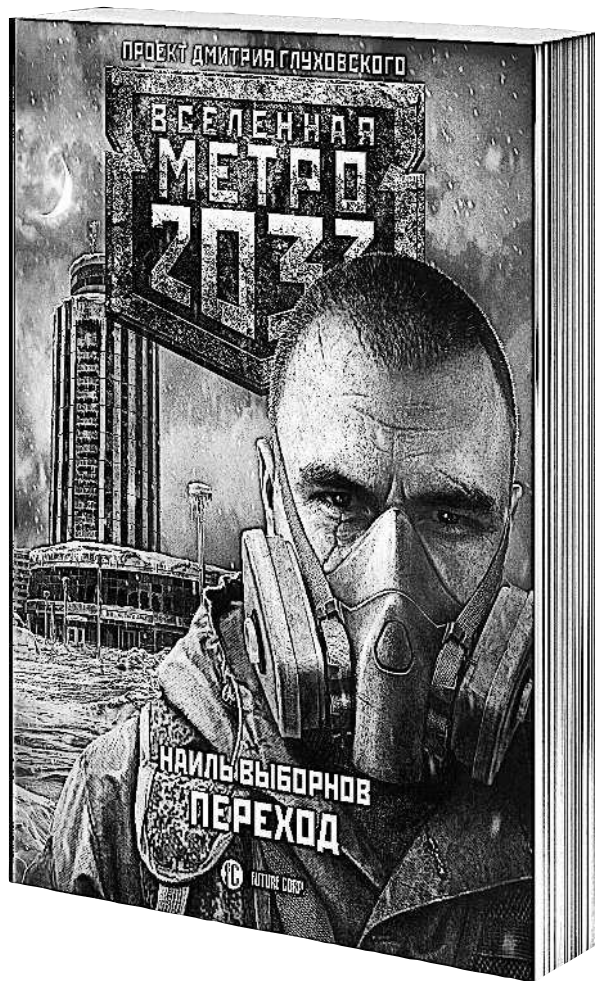
О Вите я вспоминал и потом, когда писал курсовую работу о мотиве дороги в произведениях русских писателей. Движение, испытание, поиск и обновление — это может нам дать лишь дорога. Это прекрасно понимали такие разные люди, как Пушкин, Лесков, Некрасов, Лермонтов, Гоголь и Витя-Зверь. Просто каждый из них получал от дороги именно свое — встречая предназначенное, пересекаясь с чужими судьбами и формируя свою.

Да разве не бывало такого с каждым из нас — когда хочется просто «взять и пойти»? Выбраться на простор и отправиться в «прекрасное далеко», которое вовсе и не особо прекрасно может быть, но все равно зовет и манит... У кого-то есть четкая цель, и чтобы достичь ее, сгодятся любые средства. А кто-то стремится к заведомо недостижимым звездам, ничуть не печалась из-за невозможности конечной цели, но обретая в пути все то, чего ему не хватало в прежней жизни.

А кому-то предстоит выбор в «сто путей и сто дорог», а нужно сделать конкретный, и нет никаких гарантий, что выбор будет правильным. Но это неважно — все равно ты повстречаешь друзей и врагов, солнце будет жечь тебя, а ветер трепать твои волосы, и каждый раз ты будешь покидать родной дом, искать смысл жизни...

Вперед, друзья.

К новым дорогам, поворотам и перекресткам.

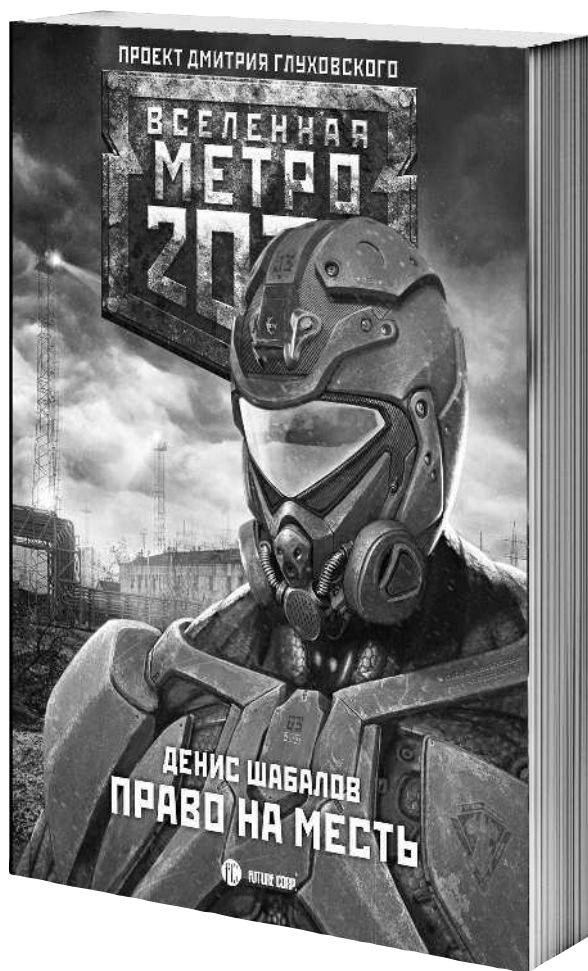
Пока в Казани речи сладкоголосых джинов сплетаются в узоры, в Набережных Челнах свистят пули и льется кровь. Война здесь так и не закончилась, и будет идти, пока есть, что делить. Неважно что: еду, патроны, чистый воздух и жизненное пространство в немногочисленных убежищах. И даже если ты отказался от того, чтобы считать себя человеком, тебя найдут и заставят участвовать в своих играх.

То, что предназначено, в любом случае случится. Ведь от судьбы не убежать, не спрятаться в подземном бункере. Отсидеться не удастся. Остается только выбрать сторону.

Все началось, как всегда. Разумеется, они хотели помочь. Разумеется, верили в свои силы, свой ум, свою великую миссию — и в свое право вершить чужие судьбы. Ведь что может быть важнее после ядерного Апокалипсиса, чем подарить человечеству возможность подняться из тесных бункеров и убежищ к солнцу? Не бояться радиации, свободно дышать отравленным воздухом? Вернуться в свои покинутые дома? Тем более что ничего особенного и делать-то не пришлось — нужно было всего-навсего активировать уже существующий ген, тысячелетиями спавший внутри генома человека.

Как всегда, они ошиблись. Путь назад, к цивилизации и к прежней жизни, вел по краю пропасти. Той самой, куда так легко сорваться, утянув за собой остатки выживших в Последней Войне...

Он выжил и вернулся домой. Но кто встретил его? Пустота. Тишина. Смерть. Долгой была дорога, но путь его не закончен. Тот, у кого нет дома, кого лишили семьи и друзей — свободен для войны. У Данила Добрынина ни дома ни семьи больше не было. У него отныне не было ничего... Но была цель. Цель, которую нужно достичь во что бы то ни стало.

ГЛАВА 1

НАЧАЛО

— А я тебе говорю, что Коломенское основал римлянин по имени Карл Колонна!

— Глупости все это! Не было у римлян таких имен. Черт его видел, этого Карла, был он тут или нет — дело темное!

— Не поминай нечистого к ночи! Ибо сказано... — Бородатый старик в домотканой рубахе наставительно поднял палец. Пламя освещало лицо старика красными бликами, зажигая зловещие огоньки в его глазах. Стас так и не дослушал, что было сказано дальше. «Опять Сергей Семеныч и Матвей за свое взялись», — подумал он. Впрочем, что еще им остается теперь, как не по тысячному разу перебирать легенды, перевоевывать старые войны. Смысла в этом никакого, ибо последняя, глобальная война была проиграна двадцать лет назад — проиграна безнадежно, всеми. Победивших не было, и лишь немногие уцелевшие скрывались теперь по подземельям от радиации — вот как они.

Судный час наступил для них, когда они находились на экскурсии в музее-заповеднике «Коломенское». Впрочем, про Стаса сказать «присутствовал на экскурсии» было бы не совсем точно, потому что он тогда находился в животе у матери. И о том, что

произошло в тот страшный день, знал лишь по рассказам выживших. Он представлял себе дивный летний день, нарядных людей, прогуливающихся между старинными храмами и вековыми дубами, глядящих с высокого берега вниз, где под холмом катилась вода Москва-река. Щебет птиц, аромат цветов — и вдруг откуда-то издалека вой сирены и усиленный динамиками мужской голос, неразборчиво повторяющий вновь и вновь страшные, непонятные слова. Люди заметались, не зная, что предпринять. Некоторые кинулись к выходу из парка. Кто-то зачем-то побежал вниз, к реке. Кто же первым догадался в те решающие минуты, что нужно бежать в подвалы? Теперь этого уже никто не помнил, и почти каждый из старожилов приписывал эту честь себе. Но какая теперь разница?

Первые несколько дней они так в подвалах и просидели, прикончив скудные запасы еды, которые у некоторых особо предусмотрительных оказались в тот день с собой. Потом самые храбрые принялись осматривать здание и нашли-таки в одном подсобном помещении несколько костюмов химзащиты и противогазы. Помянули добрым словом дальновидное руководство музея, проявившее заботу о сотрудниках. Стали иногда выходить на поверхность, натаскали из отдаленного флигеля меда. В первое время пока не обжились, не осмотрелись в новых условиях, это было большим подспорьем.

О загадочных подземельях Коломенского слухи ходили еще до Катастрофы, теперь бывшим экскурсантам представился случай лично обследовать эти места получше. За двадцать лет они успели обжить три просторных подвала, соединенных между собой подземными ходами, — один из которых был проложен под старинными палатами, другие два — под храмами. Потом нашли еще один, засыпанный наполовину, подземный ход. Иногда, в свободное от насущных забот время, его потихоньку раскапывали, хотя понятия не имели, куда он ведет. Ходили слухи, что ни много ни мало в Кремль, но до самого Кремля докопаться никто и не мечтал, тем более что проблем и так хватало. В первый же год сообразили, что

по весне надо бы посеять картошку. Спасибо Сергею Семеновичу, который героически сберег материал для посева, не скормил оголодавшим, устоял перед слезами и мольбами. Да и ведь не умер никто от голода — больше от лучевой болезни умирали. Особенно те, кто на поверхность поднимался часто. А остальные, хоть и исхудали, кое-как дотянули до весны.

И до воды они докопались — был небольшой колодец прямо в подземелье. Воду старались очищать хоть как-то, самодельными фильтрами. Еще промышляли охотой и бортничеством. Первые несколько лет на реке еще водились утки, была рыба, прибежали даже зайцы из простирающегося рядом парка. Да и яблоневые сады Коломенского славились еще до Катастрофы — многие москвичи ближе к осени приезжали сюда с сумками и рюкзаками, главное было — успеть вовремя, чтоб другие любители фруктов не опередили.

Правда, постепенно зайцы и утки куда-то делись, а в реке, наряду с рыбой, появились странные существа. Однажды ночью, когда несколько человек, в том числе и женщины, спустились к реке — нарвать водных растений с сочными клубнями — что-то размером с крокодила шустро выбралось из воды, схватило одну из женщин и утащило. Остальные даже опомниться не успели. С тех пор женщинам к реке ходить запретили, тем более что иногда течением к берегу приносило и трупы.

Первый из них обнаружили спустя пару лет после Катастрофы — тело мужчины в химзе и противогазе прибило к берегу. Беднягу зарыли тут же, неподалеку. Следующий принесло спустя год. Одежды на несчастном почти не осталось, на теле были раны, похожие на ножевые. Возможно, защитный костюм снял с него убийца, а может, разодрали речные обитатели, которые успели его прилично обглодать. Вскоре жители общины перестали удивляться жутким находкам, хоронили найденные тела в общей могиле и старались не рассказывать о них женщинам. Последнее время обнаруживали их редко — возможно, некоторые тела просто не доплывали, их съедали еще по пути.

Те, кто ходил на поверхность, рассказывали, что иногда слышали со стороны города звуки, похожие на выстрелы. Значит, кто-то еще уцелел. Но обитатели Коломенского не стремились наладить внешние контакты, справедливо рассудив, что от этого может быть больше вреда, чем пользы. Тем более что живущим здесь, в заповеднике, нетрудно было найти общий язык, ведь в тот страшный день все они волею судьбы оказались на экскурсии по заповеднику старины, то есть были людьми мирными, тянувшимися к прекрасному и интересовавшимся родной историей. Поэтому перспектива столкновения с агрессивными чужаками пугала: — как те себя поведут, не нарушат ли зыбкое равновесие маленькой общины?

Бывшим экскурсантам виделось в случившемся даже нечто судьбоносное, словно они были избранными, оттого и выжили. С ними вместе в тот день спаслось и несколько сотрудников музея. Правда, были это в основном пожилые женщины, и к настоящему моменту никого из них уже не было в живых, но рассказать об истории здешних мест в долгие досужие вечера они успели немало. А если учесть еще то, что успели выжившие услышать во время экскурсий в тот страшный день, информации об окружающих местах у них было более чем достаточно. И она свято хранилась, передавалась из уст в уста. Любой ребенок общины мог рассказать, что когда-то на этом месте, на холме над рекой, было древнее городище железного века. Потом возникло поселение славян, ставшее со временем любимой резиденцией русских князей, достигшее своего расцвета при царе Алексее Михайловиче. А лет за сто до Катастрофы стало это место музеем-заповедником, на радость всем оказавшимся здесь.

Понятно, что у подрастающих в подземельях немногочисленных детей была возможность учить историю на наглядных примерах, благо экспонатов музейных осталось предостаточно. Впрочем, из-за резкого расхождения преподавателей во взглядах на новую и новейшую историю молодежь лучше всего изучила именно ранний период славянской государственности, а о последних двух

веках, предшествовавших Катастрофе, представления у учеников были самые смутные. Учили их и азам математики, и чтению, и на всякий случай Закону Божию. Ибо творились здесь порой вещи необъяснимые и странные, и детей старались оградить от возможных происков недобрых сил.

Взять, например, находившийся поблизости Голосов овраг. Странный туман поднимался иногда оттуда — зеленоватый, неправильный. Из уст в уста передавалась история о загадочном исчезновении здесь в древние времена отряда татар, который вернулся обратно, но уже лет 50 спустя. Где плутали они все это время — так и осталось загадкой. Рассказывали еще о каких-то двух крестьянах, которые забрели в этот овраг и пропали тоже лет на двадцать. Хотя это звучало уже не так убедительно. Может, никуда они и не пропадали вовсе, а просто сбежали. А еще, говорят, видели тут в советские времена какого-то волосатого человекообразного гиганта. Да не очкарик какой-нибудь впечатлительный видел, а самый что ни на есть морально устойчивый советский милиционер, который и попытался вступить с чудовищем в неравный бой. Но убить его так и не смог, хотя сам, к счастью, не пострадал.

А на дне того оврага лежали древние камни: один назывался «Голова коня», другой — «Девичий». Поговаривали, что обладают эти камни таинственной силой — то ли жертвы здесь приносили в древние времена, то ли еще какая жуть была с ними связана. Известный материалист Матвей всем доказывал, что камни эти никакого исторического значения не имеют, они просто мирно лежат здесь с давних пор, а мистические свойства незадолго до Катастрофы стали им приписывать экзальтированные девушки, желающие чему-либо такому поклоняться. И все же камни были очень популярны, особенно среди женского населения подземелий. Стас знал, что Ксюша как-то ходила наверх просить камни о своем, о девичьем. Он дорого бы дал, чтоб узнать, о чем именно просила она.

Словно в ответ его мыслям, послышались легкие шаги. Ксения, в длинной рубахе, с красной лентой в русых волосах, в обрезан-